

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 21

МЁРТВАЯ ЗЕМЛЯ

МУРАТ КАРАДЕНИЗ

Мурат Карадениз

Мёртвая земля

«Автор»

2026

Карадениз М.

Мёртвая земля / М. Карадениз — «Автор», 2026

Обычный рабочий день в департаменте природных ресурсов для инженера-эколога Вари обернулся кошмаром, когда в старом архиве ей на глаза попала папка с пометкой «Не лезь. Сожги». Документы касались закрытого много лет назад полигона «Красный Бор», а человек, чья подпись стояла на бумагах, найден мёртвым при загадочных обстоятельствах. Пытаясь разобраться в происходящем, Варя осознаёт: она ввязалась в игру, где ставки — человеческие жизни, а противник скрывается в высоких кабинетах. Теперь каждый её шаг под прицелом, а грань между правдой и смертельной ловушкой становится всё тоньше. Сможет ли она раскрыть тайну «Мёртвой земли» и остаться в живых? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ПЕРВЫЙ СЛОЙ	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мёртвая земля

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Свалка «Красный Бор» затихла. Дождь лил уже четвёртый час. Мелкий, холодный, осенний — он не смывал грязь, а превращал её в жижу, в которую проваливались ботинки по щиколотку. Ветер гулял между горами мусора, шелестел целлофановыми пакетами, завывал в ржавых трубах. Где-то ухнула сова — коротко, тревожно, и затихла.

Запах стоял тяжёлый. Гнилое тряпье, прелая земля, ржавый металл и ещё что-то химическое — острое, едкое, от чего першило в горле. Запах въелся в это место за десятилетия. Он был частью свалки. Он смешался с землёй, с водой, с воздухом — так, что уже невозможно было понять, где кончается мусор и начинается почва.

Фигура стояла над трупом и не двигалась.

Тёмная куртка с капюшоном, натянутым до самых глаз. Капли стекали с капюшона на плечи, скатывались по рукавам, падали в грязь. Ботинки увязли в жиже — подошвы уже не было видно. Руки фигуры висели вдоль туловища. Крупные, в мозолях, с обломанными ногтями. Пальцы слегка подрагивали. Не от холода. От чего-то другого.

Труп лежал лицом вниз. Лицо ушло в грязевую жижу — разглядеть его было невозможно. Но фигура и так знала, чьё это лицо. Алексей Фёдорович Евдокимов. Шестьдесят два года. Бывший главный инженер этой свалки. Затылок был разбит о бетонный блок — тот самый, что лежал у края старого котлована. Его залили ещё в девяностых. Кровь смешалась с водой и растекалась тёмной лужей, которую дождь уже почти смыл. Труп был едва различим в темноте и косом дожде.

Рука была вытянута в сторону. Евдокимов падал и пытался ухватиться. Не успел. Рядом с ладонью валялся телефон. Экран треснул, корпус раскололся, внутрь набралась вода. Чуть дальше лежала папка. На обложке — надпись синей шариковой ручкой: «Красный Бор. Акт № 47. 2010 г.»

Фигура посмотрела на папку. Потом на труп. Потом снова на папку.

Пальцы фигуры шевельнулись. Человек шагнул вперёд. Подошва чавкнула — грязь выступила на поверхность, затекла в ботинок. Холод коснулся кожи, но фигура не обратила внимания. Наклонилась. Поправила папку — чтобы её было видно. Чтобы тот, кто найдёт тело, сразу заметил её. Выпрямилась. Вытерла руки о штаны.

И снова замерла.

Дождь хлестал по капюшону. Сова молчала. Только ветер и запах. И ещё звук — дыхание. Тяжёлое, хриплое, с присвистом. Оно рвалось из груди фигуры, смешивалось с шумом дождя и ветра. Человек стоял над трупом и дышал так, будто каждым вдохом оплачивал чей-то долг. Но не кашлял. Не останавливался. Просто дышал. И смотрел.

Потом человек достал из кармана телефон. Дешёвый, кнопочный, без сим-карты — одно-разовый. Набрал 112. Сказал тихо, быстро: «На свалке "Красный Бор" труп. Мужчина. Возле старого котлована». Нажал отбой. Вытащил сим-карту, разломил пластик, сунул в карман. Телефон выбросил в мусорный бак у ворот.

Потом повернулся.

Шагнул через лужу. Ботинки чавкнули. Фигура шла не торопясь — мимо ржавых бочек, мимо гор мусора, мимо бетонных плит, поросших мхом. Старый бульдозер маячил слева — его ковш был поднят, как рука в последнем приветствии. Человек прошёл мимо, не взглянув.

Машина стояла у ворот. Старые синие «Жигули». «Четвёрка» с отбитым правым крылом, с наклейкой на заднем стекле — выцветшей, почти белой, на которой уже нельзя было разглядеть рисунок. Фигура подошла. Открыла дверцу. Руль был холодным. Человек сел. Дверца захлопнулась — и сразу стало тихо. Только дождь барабанил по крыше, по капоту, по стёклам.

Ключ повернулся. Двигатель кашлянул. Чихнул. Замолк. Человек повторил. Двигатель завёлся — с хрипом, с надрывом, но завёлся. Фары выхватили из темноты кусок свалки: мокрый асфальт, ржавые ворота, бетонную плиту, на которой осталось тёмное пятно. И труп. Труп всё ещё лежал там.

Машина выехала за ворота. Фигура не обернулась. В зеркале заднего вида свалка таяла в темноте — сначала ворота, потом сторожка, потом горы мусора, потом ничего. Дождь смывал следы колёс. Через минуту не осталось ни следа. Только гудящий мотор и скрип стеклоочистителей.

Пальцы сжали руль.

Фигура знала: папка осталась там. Рядом с трупом. С документами. Теперь всё зависит от того, кто найдёт тело первым.

Человек смотрел на мокрую дорогу. Нога нажала на газ. «Жигули» ускорились, увозя в ночь.

Фигура знала: завтра всё начнётся.

ЧАСТЬ 1. ПЕРВЫЙ СЛОЙ

Глава 1

Сентябрьское утро встретило Брянск мелким морсящим дождём. Варя сидела у окна в кабинете департамента природных ресурсов на третьем этаже и смотрела, как серая вода стекала по стеклу. За окном проспект Ленина тонул в тумане. Люди с зонтами переходили дорогу, торопились, прятали лица в воротники.

Она отпила остывший кофе. Горький. Она не любила горький, но сахар закончился ещё вчера, а идти в магазин не хотелось. Варя поставила чашку, провела пальцем по ободку. Глаза слипались. Она не спала третью ночь подряд — считала проценты по ипотеке, вспоминала, как Артём уходил. Как хлопнула дверь. Как он сказал: «Я не могу здесь больше». И уехал в Москву. А она осталась. С ипотекой, с пустой квартирой, с работой, о которой в двадцать три года мечтала совсем иначе.

Сейчас ей было тридцать четыре, и она сидела в департаменте, пила остывший кофе без сахара и смотрела, как осень смывает город.

Она вспомнила отца. Он тоже работал с бумагами — в городском архиве, в самом низу иерархии. Приходил домой с запахом пыли и старого картона, садился на кухне, вытирал очки и говорил: «Варя, главное в нашей работе — не пропустить деталь. Одна цифра, одна подпись — и всё рухнет». Тогда она не понимала. Казалось, что он просто устал. Теперь она сидела за своим столом, пила остывший кофе и понимала — он был прав.

Пять лет назад он умер. Сердечный приступ. Она не успела к нему в больницу. Ехала из Брянска в посёлок, а он уже не дышал. Она до сих пор не могла простить себе это. Каждый раз, когда ей давали срочное задание, она вспоминала, как телефон зазвонил в тот день, как она не взяла трубку — думала, перезвонит позже. Не перезвонил.

Она тряхнула головой, прогоняя мысли.

В кабинет зашёл Ткаченко. Олег Викторович — пятьдесят лет, лысеющий, с вечным запахом дешёвого одеколона и папками под мышкой. Он бросил на Варю короткий взгляд, бросил на стол задание и сказал:

— Серебрякова, есть работа. Подготовь архив по полигону «Красный Бор». Нам нужно перед рекультивацией всё проверить.

— Какому полигону? — переспросила Варя, не поворачивая головы от окна.

— Свалка старая, на юге. «Красный Бор» называется. Сейчас там собираются строить жилой микрорайон. Документы — в архиве на втором этаже. Проверь все бумаги с 2010 года.

Он хлопнул ладонью по столу, привлекая внимание.

— К завтрашнему вечеру. Это важно. Подрядчики ждут.

Варя взяла папку с заданием. На обложке — номер, печать, подпись. Всё как всегда. Она встала, взяла ключи, вышла из кабинета. В коридоре она остановилась на минуту, прижалась спиной к стене и закрыла глаза. В голове гудело. Не от работы. От всего.

Она спустилась на второй этаж. В коридоре архива пахло пылью и старой бумагой. Она открыла дверь ключом, вошла. Внутри было темно. Она нажала на выключатель — свет не загорелся. Перегорела лампочка. Варя выругалась шёпотом, включила фонарик на телефоне, прошла к шкафу с маркировкой «Красный Бор».

Коробка стояла на верхней полке. Варя сняла её, поставила на пол, открыла крышку. Внутри лежали папки, перевязанные бечёвкой. Она потянула за край одной — и бумага рассыпалась в руках. Обгоревшая. Края чёрные, пепельные. Внутри — ещё несколько таких же.

Варя замерла. Она перебрала папки. Половина документов была уничтожена огнём. Остатки бумаг слиплись, некоторые листы рассыпались при первом же прикосновении. Она достала уцелевшую папку — ту, что лежала на самом дне. На ней была надпись синей шариковой ручкой: «Евдокимов А.Ф.».

Варя открыла её. Внутри — несколько документов, обгоревших по краям, но ещё читаемых. Отчёты, подписи, даты. Она пробежала глазами по строчкам. 2010 год. Подписи. Печати. Фамилия Евдокимова появлялась несколько раз. Она закрыла папку, сунула под мышку.

Кто-то устроил пожар в архиве. Специально. Она знала это, хотя не могла доказать. У неё не было фактов, только ощущение, которое въелось в позвоночник. Она вышла из архива, закрыла дверь и направилась к себе в кабинет. На лестнице она столкнулась с Ткаченко. Он удивлённо посмотрел на папку в её руках.

— Нашла что-то? — спросил он.

Варя кивнула:

— Архив частично сгорел. Половина документов уничтожена.

— Пожар был два года назад, — пожал плечами Ткаченко. — Электрика старая, проводка замыкала. Тебе повезло, что хоть что-то осталось.

Он ушёл. Варя смотрела ему вслед. Что-то в его голосе ей не понравилось. Слишком спокойно. Слишком равнодушно для человека, который только что узнал, что архив сгорел. Она подумала: он знал. Знал, что там пожар. И не сказал ей об этом, когда давал задание.

Варя вернулась в кабинет, села за стол. Папка лежала перед ней. Она снова открыла её, перечитала документы. Евдокимов Алексей Фёдорович — главный инженер полигона «Красный Бор» в 2010 году. Она открыла браузер, ввела фамилию.

Новость выскочила на первой странице. Она прочитала. И замерла.

«Бывший инженер полигона "Красный Бор" найден мёртвым на территории объекта. Предварительная причина — несчастный случай».

Варя смотрела на экран. Евдокимов мёртв. Найден вчера. Там же, где работал много лет. Она перечитала новость дважды. Тело обнаружили ночью. Рядом — разбитый телефон.

Она откинулась на спинку стула.

Вчера она нашла папку. Сегодня — узнала, что человек из папки мёртв.

Варя закрыла браузер, но перед глазами всё ещё стояли строчки новости. Она посмотрела на папку — та лежала на столе, обгоревшая, полуживая. Внутри — документы, которые кто-то пытался уничтожить. И человек, который их подписывал, нашёлся мёртвым на свалке.

Она взяла телефон, набрала номер вдовы Евдокимова. Нашла его в интернете — фамилия, телефон. Трубку не брали. Она набрала снова. Гудки. Ещё раз. Сброс. Она отложила телефон и посмотрела в окно.

Дождь усилился. За стеклом — серая пелена.

Она вдруг поняла: она не знает, что нашла. Но знала точно: это не просто старая папка.

Она нахмурилась и перевернула папку. На обороте, на внутренней стороне обложки, кто-то написал красной шариковой ручкой. Всего два слова. Неразборчиво, торопливо, будто писали в темноте или в спешке. Варя наклонилась, всмотрелась. Почерк был старым, мужским, с нажимом. Она прочитала: «Не лезь. Сожги».

Варя замерла. В горле пересохло. Она перечитала надпись трижды. Слова не менялись. Она смотрела на них и не могла пошевелиться. Потом перевела взгляд на телефон. Тот лежал на столе экраном вверх.

Через минуту он зазвонил.

Экран вспыхнул. Номер на дисплее — тот самый, который она только что набирала. «Евдокимов А.Ф.». Варя смотрела на телефон и не брала трубку. Он звонил снова и снова. Пять гудков. Десять. Она не двигалась. Рука не поднималась. Телефон замолк.

Через три секунды пришло СМС. Одно слово: «Ответь».

Варя сидела в тишине. Дождь за окном хлестал по стеклу. В руке — папка с надписью «Не лезь. Сожги». На столе — телефон, с которого только что звонил мёртвый человек. Она перевела дыхание. И взяла трубку.

Глава 2

Варя сидела за столом и смотрела на телефон. Экран погас. СМС с надписью «Ответь» исчезло — она не удаляла его, оно просто пропало. Как будто его и не было. Она проверила историю вызовов. Пусто. Ни входящих, ни исходящих. Номер Евдокимова исчез из телефона.

Она перевела дыхание и открыла папку.

Внутри лежало несколько листов. Верхний — обгоревший по краям, но текст сохранился. Варя осторожно развернула его на столе. Документ был составлен на официальном бланке, с печатью и подписями. Она пробежала глазами по строкам: «Акт приёма-передачи отходов... полигон "Красный Бор"... 2010 год». Подписи. Три подписи. Она всмотрелась в фамилии. Евдокимов А.Ф. — главный инженер. Кольцов В.С. — заместитель директора. Жуков Н.П. — водитель бульдозера. И ещё одна, четвёртая, но она была размыта, чернила расплылись от времени. Варя наклонилась ниже, пытаясь разобрать, но буквы не складывались в слово.

Она откинулась на спинку стула. Три человека подписали акт. Двое из них — Евдокимов и Кольцов — были живы до вчерашнего дня. Теперь один из них мёртв.

Варя перевернула страницу. На обратной стороне — ещё один документ. Схема. Карта полигона с отмеченными секторами. Она всмотрелась. Один сектор был обведён красным — старый котлован. Рядом стояла пометка, сделанная от руки: «Залито бетоном. Скрыть». Варя замерла. Она провела пальцем по надписи. Буквы были выведены торопливо, шариковой ручкой, с сильным нажимом. Так пишут, когда торопятся. Или когда боятся.

Она вспомнила отца. Он всегда говорил: «Бумаги не врут, Варя. Врут люди. Бумаги просто лежат и ждут, пока их прочитают». Тогда она не понимала. Теперь — начинала понимать слишком хорошо.

Отец умер пять лет назад. Сердечный приступ. Она не успела к нему в больницу. Ехала из Брянска в посёлок, а он уже не дышал. Она до сих пор не могла простить себе это. Каждый раз, когда ей давали срочное задание, она вспоминала, как телефон зазвонил в тот день, как она не взяла трубку — думала, перезвонит позже. Не перезвонил.

Она тряхнула головой и вернулась к документам.

В самом низу стопки лежала копия письма, адресованного в районную администрацию. Датировано 2011 годом. Текст был частично выгоревшим, но несколько строк сохранились: «Просим провести внеплановую проверку полигона "Красный Бор" в связи с возможным нарушением экологических норм...» И подпись — та же, что и на акте. Евдокимов.

Но письмо не было отправлено. Оно так и осталось в папке. Кто-то не дал ему уйти.

Варя закрыла папку и отодвинула её в сторону. Она вышла из кабинета, прошла по коридору в общий отдел, где сидели коллеги. За столами — четыре человека. Кто-то пил чай, кто-то заполнял отчёты. Она подошла к Свете, женщине за сорок, которая работала в департаменте дольше всех.

— Свет, ты знаешь, кто такой Евдокимов Алексей Фёдорович? — спросила Варя.

Света оторвалась от монитора и нахмурилась:

— Бывший инженер. На свалке работал. А что?

— Он умер вчера, — сказала Варя. — Нашли на полигоне.

Света пожала плечами:

— Слышала. Старый был, больной. Говорят, оступился в темноте, ударился головой. Несчастный случай. А ты чего вдруг заинтересовалась?

— Нашла его папку в архиве, — ответила Варя. — Обгоревшую. С документами за 2010 год.

Света посмотрела на неё внимательнее. Потом перевела взгляд на папку в руках Вари. Сказала тише:

— Варь, ты бы эту папку не носила. Не надо там копать. Старые дела, старые люди. Все уже умерли или уехали. Тебе это ни к чему.

— Почему ты так говоришь? — спросила Варя.

Света оглянулась по сторонам, потом наклонилась к Варе и сказала почти шёпотом:

— Потому что знаю. Мой муж работал на этом полигоне в 2010 году. Он ушёл через месяц после той аварии. Сказал, что там что-то залили бетоном и заставили молчать. Он никогда не рассказывал подробностей. А через год его не стало. Инфаркт. В сорок два года.

Она отвела взгляд. На её лице появилась гримаса — она пыталась держаться, но не получалось. Варя видела, как у неё дрогнула рука, когда она взяла чашку с чаем.

— Я не знаю, что там было, — продолжила Света. — Ноя знаю, что мой муж боялся. Он ничего не говорил до самой смерти. Он просто пил, молчал и смотрел в одну точку. А потом сердце остановилось. Врачи сказали — стресс.

Она помолчала, потом добавила:

— Может, и тебе не стоит лезть.

Она отвернулась к монитору, давая понять, что разговор окончен. Варя стояла ещё несколько секунд, глядя на её спину. Она хотела спросить ещё о чём-то, но Света уже надела наушники и уставилась в экран.

Варя вернулась в кабинет. Закрыла дверь. Села за стол и снова открыла папку. Она смотрела на подписи, на даты, на залитый бетоном котлован. Вспоминала слова Светы: «Инфаркт. В сорок два года». И слова Ткаченко: «Пожар был два года назад. Электрика старая». И надпись на папке: «Не лезь. Сожги». Всё это не было случайностью.

Она подошла к окну. Дождь всё ещё шёл. За стеклом — серое небо, мокрые крыши, далёкий дым из труб котельной. Она смотрела на город, который знала с детства. Улица Красноармейская, на которой она выросла, школа, институт, первая работа, свадьба с Артёмом, его отъезд. Всё это было здесь, в Брянске, в этом сером сентябрьском дожде.

Она вспомнила, как в 2010 году поступила на экологический факультет. Ей было девятнадцать. Она мечтала менять мир, бороться с теми, кто уничтожает природу. Тогда казалось, что она сможет всё. А теперь сидит в департаменте с обгоревшей папкой и пытается понять, что случилось на свалке пятнадцать лет назад. Мечты оказались слишком далёкими от реальности.

Она вернулась за стол и потянулась к телефону. Набрала в браузере: «Евдокимов полигон Красный Бор смерть». Страница загрузилась. Новость, опубликованная сегодня утром: «Бывший инженер полигона найден мёртвым на территории объекта. Предварительная причина — несчастный случай». Варя прочитала текст до конца. Никаких подробностей. Только сухие факты. Тело нашли ночью. Рядом — разбитый телефон.

Варя смотрела на дату. Вчера.

Человек, подписавший документы о захоронении отходов, найден мёртвым в день, когда она нашла его папку. Ей стало холодно. Она перечитала новость ещё раз. И вдруг заметила деталь, которую упустила в первый раз. Внизу страницы стояла строчка: «По данным источника, незадолго до смерти Евдокимов обращался в полицию с заявлением о том, что ему угрожают». Заявление. Он знал, что его хотят убить. И он всё равно пошёл на полигон.

Она подумала: если он знал и всё равно пошёл — значит, он хотел что-то найти. Или хотел встретиться с кем-то. Она вспомнила Морозова — человека, который работал на полигоне механиком, — он был в списке сотрудников, который она нашла в архиве. Она записала его номер в блокнот и решила позвонить позже. Сначала — Кольцов.

Варя открыла новый поисковый запрос. Набрала: «Кольцов Вадим Сергеевич Горизонт». Высветился результат. Заместитель директора строительной компании «Горизонт». Телефон. Она записала номер. И замерла, глядя на экран.

Кольцов был вторым человеком после Евдокимова, подписавшим документы. Он знал всё. Если Евдокимова убили, то Кольцов мог быть следующим. Или он сам был убийцей. Она не знала. Она смотрела на номер и не решалась нажать «вызов».

Варя вспомнила, как Артём уходил. Как сказал: «Я не могу здесь больше». Она осталась одна в этой квартире с ипотекой и с чувством, что ничего не изменишь. А теперь она держала в руках документы, которые могли стоить кому-то жизни. И она не знала, что делать дальше.

Она нажала «вызов».

Трубку подняли после первого же гудка. Голос в трубке — мужской, хриплый, как будто человек только что проснулся или не спал несколько ночей. Она сказала:

— Вадим Сергеевич? Это Варвара Серебрякова из департамента. Я нашла папку Евдокимова. Мне нужно с вами поговорить.

В трубке повисла тишина. Секунда. Две. Она слышала его дыхание — тяжелое, с присвистом, как у человека, который болен или сильно напуган. Потом голос ответил:

— Я знал, что ты позвонишь. Приходи завтра в офис. В десять. И ничего никому не говори.

И трубку положили.

Варя сидела в тишине, слушая короткие гудки. Он ждал её звонка. Знал, что она найдёт папку. Знал, что она позвонит. Кольцов знал всё. И это было страшнее любой угрозы.

Она смотрела на телефон. Потом перевела взгляд на папку. Надпись «Не лезь. Сожги» смотрела на неё красными буквами. Она закрыла папку, убрала в ящик стола и заперла на ключ.

За окном стемнело. Варя подошла к окну. На улице зажглись фонари, жёлтый свет падал на мокрый асфальт, отражался в лужах. Она смотрела на город и думала о том, что завтра она пойдёт в офис «Горизонта» и встретится с человеком, который, возможно, знает, кто убил Евдокимова. Или который сам его убил.

Она перевела дыхание. Рука дрогнула.

Завтра всё может измениться.

Или закончиться.

Она вернулась к столу. Открыла блокнот и записала: «Кольцов — завтра 10:00». Ниже: «Морозов — позвонить». Потом положила ручку и села в тишине. Дождь барабанил по стеклу, и этот звук казался ей единственным, что оставалось реальным.

Глава 3

Варя сидела за столом, перечитывала новость о смерти Евдокимова и не могла оторваться от одной детали. Несчастный случай. На закрытом полигоне. Ночью.

Она знала, что полигон «Красный Бор» законсервирован больше года. Въезд на территорию только по пропускам. Ворота закрыты на замок, сторожка круглосуточная. Если не знаешь код — не пройдёшь. Евдокимов был старым, больным инженером, который вышел на пенсию три года назад. Как он оказался на полигоне ночью? И главное — зачем?

Варя закрыла браузер и пошла к Ткаченко.

Он сидел в своём кабинете на втором этаже, листал бумаги, когда она вошла без стука. Поднял голову, нахмурился:

— Серебрякова, что-то случилось?

— Олег Викторович, у меня вопрос, — сказала она, присаживаясь напротив него. — Полигон «Красный Бор». Он же законсервирован, да?

Ткаченко отложил бумаги, снял очки и посмотрел на неё:

— Да. С прошлого года. Сейчас готовятся к рекультивации, стройка начнётся через месяц. А что?

— Евдокимов, — сказала Варя. — Бывший инженер. Он умер на полигоне вчера. Новость пишут — несчастный случай. Но я не понимаю. Как он туда попал? Он же не работал там уже три года.

Ткаченко пожал плечами и откинулся на спинку стула. Его голос был ровным, почти скучающим:

— Серебрякова, ну ты что, сама не понимаешь? Старый человек. Мог забыть, что полигон закрыт. Мог пойти проведать, оступиться. Там темно, мокро, блоки бетонные. Несчастный случай. Бывает.

— У него не было пропуска, — сказала Варя. — Как он прошёл через ворота?

Ткаченко усмехнулся, но улыбка была натянутой, без тепла:

— Сторож открыл. Или ворота не заперли. Или он знал код. Варя, не выдумывай. Евдокимов был старый, больной. Он упал и разбил голову. Всё.

Варя смотрела на него. Она видела, как он сидел, как крутил в руках очки, как избегал смотреть ей прямо в глаза. Он что-то знал, но не говорил. Или просто не хотел копать. Она не знала. Но чувствовала — что-то не так.

— Кто ещё мог быть на полигоне в ту ночь? — спросила она. — Сторож, техника, кто из охраны?

Ткаченко пожал плечами:

— Мог быть кто угодно. Я не знаю, кто там был ночью. Это не мой участок. Спроси у службы безопасности.

Она не стала продолжать. Встала, развернулась, пошла к двери. На пороге обернулась. Ткаченко сидел с прямой спиной, пальцы лежали на столе, и она заметила, как его рука слегка дрогнула, когда она взялась за ручку двери. Он нервничал. Не из-за того, что она задаёт вопросы. Он нервничал из-за того, что она могла задать их кому-то ещё.

Варя вышла из кабинета, закрыла за собой дверь. Прошла по коридору, спустилась по лестнице, зашла в отдел. Спросила у секретарши, кто отвечает за охрану полигона. Та ответила: частное агентство, называется «Форпост», номер телефона дала, но сказала: «Они сейчас не работают, завтра с утра позвоните».

Варя вернулась в свой кабинет. Села за стол. Открыла папку с документами Евдокимова и перечитала письмо, которое так и не было отправлено. «Просим провести внеплановую про-

верку полигона...» Евдокимов хотел, чтобы кто-то пришёл. Он знал, что происходит что-то незаконное. И он умер, когда начал копать.

Варя положила документы обратно в папку. Взяла телефон, чтобы позвонить в «Форпост», но в этот момент что-то привлекло её внимание.

На краю стола, между монитором и чашкой с остывшим кофе, лежала флешка. Чёрная, маленькая, без маркировки. Она была здесь раньше? Варя не помнила, чтобы оставляла её. Она точно не клала её на стол утром. Она нахмурилась, взяла флешку и внимательно осмотрела её. На корпусе — царапины, потёртости. Похоже, что она использовалась не один год.

Варя посмотрела по сторонам. В коридоре никого. Коллеги в другом конце здания, никто не заходил в её кабинет за последние полчаса. Или заходил?

Она вставила флешку в порт USB. Компьютер определил устройство, на экране открылась папка с несколькими файлами. Варя щёлкнула по первому. Фотография. Ночной полигон. Вспышка камеры выхватывала из темноты груды бетонных плит, ржавый контейнер, остовы старых машин.

Она открыла вторую. Грузовик с разбитой цистерной. Цистерна была треснута вдоль корпуса, из неё вытекала жидкость. Рядом стояли два человека в камуфляже, лица не разобрать.

Третья фотография. Котлован. Глубокий, с бетонными стенами, на дне — что-то тёмное, похожее на пластиковые контейнеры. Варя прищурилась, увеличила изображение. Контейнеры были опечатаны.

Четвёртая. Та же ночь, тот же котлован. Фотография крупным планом. На бетонной плите стоит подпись от руки — синяя шариковая ручка, похожая на ту, что была в папке Евдокимова. Варя прочитала и замерла.

«Жуков Н.П.».

Варя смотрела на экран и не могла пошевелиться. Жуков. Третий человек из документов. Водитель бульдозера. Тот, кто подписывал акт 2010 года вместе с Евдокимовым и Кольцовым. Он был на полигоне той ночью. Он фотографировал аварию. Или кто-то фотографировал его.

Варя перетасовала файлы. Всего девять снимков. На каждом — ночной полигон, грузовик, цистерна, котлован. Ни одного лица. Только техника, мусор, бетонные плиты. И подпись на последнем снимке: «Жуков Н.П.».

Она смотрела на неё и не могла отвести взгляд. Она думала о том, что кто-то положил эту флешку на её стол. Пока она разговаривала с Ткаченко. Или пока она была в отделе. Кто-то зашёл в её кабинет, пока её не было, и оставил это.

Варя перевела дыхание. Она закрыла папку, вытащила флешку, спрятала её в карман. Она не знала, кому можно доверять. Ткаченко врал или просто не хотел вникать? Света боялась говорить правду. Кольцов ещё не сказал, чего хочет. А теперь кто-то подкинул ей фотографии того, что случилось на полигоне в 2010 году.

Она смотрела в окно. Дождь перестал, небо очистилось, и в вечернем свете за стеклом виднелись силуэты деревьев, мокрые крыши, асфальт, покрытый лужами. Она подумала о том, что кто-то хочет, чтобы она копала дальше. Кто-то, кто знает Жукова. Кто-то, у кого есть доступ к её кабинету.

Варя выключила компьютер, собрала вещи. Она вышла из кабинета, закрыла дверь на ключ, спустилась по лестнице в вестибюль, прошла к выходу. На улице было уже темно. Фонари освещали мокрый асфальт, отражения жёлтого света дрожали в лужах.

Она подошла к машине, открыла дверцу, села за руль. В ключе зажигания повернула, завела двигатель. Смотрела на дорогу перед собой и видела только одну вещь: подпись на фотографии.

«Жуков Н.П.»

Она не знала, кто он. Она не знала, где он сейчас. Но она точно знала, что именно он был на полигоне той ночью. Он видел аварию. Он знал, что там произошло. И он, возможно, был последним живым свидетелем.

Варя нажала на газ. Машина тронулась, и она поехала домой, сжимая руль так сильно, что костяшки побелели. Она не знала, что ей делать с этой флешкой. Но знала одно: утром она должна встретиться с Кольцовым. И он должен ответить на все её вопросы.

Она выехала на проспект Ленина. Дождь снова начинался, мелкий, противный. Стеклоочистители скрипнули, разгоняя капли по стеклу. Она включила поворотник, чтобы свернуть на улицу Красноармейскую, когда телефон завибрировал. Она бросила взгляд на экран — незнакомый номер, высветился только код региона, 4832 — Брянский. Она взяла трубку, прижала к уху.

Тишина. Только дыхание. Тяжёлое, хриплое, с присвистом. Она ждала, не говоря ни слова. Потом — низкий голос, глухой, как из-под земли:

— Ты нашла, что я оставил.

Варя замерла.

— Кто ты? — спросила она.

— Не спрашивай. Спроси Жукова. Он знает всё.

— Как я найду Жукова?

— Он живёт на Заовражной. Старый дом, синяя крыша. Но осторожно. Он не любит гостей.

И трубку положили.

Варя сбросила скорость, остановилась у обочины. Двигатель работал на холостых, стеклоочистители скрипели, сгоняя капли. Она смотрела на экран — вызов был сброшен, номер не сохранился. Она нажала «перезвонить» — абонент недоступен. Она снова нажала — то же самое.

Она перевела взгляд на флешку, которая лежала на пассажирском сиденье. Чёрная, маленькая, без маркировки. Она взяла её в руку, сжала в ладони. Кто-то следил за ней. Кто-то знал, что она нашла фотографии. Кто-то знал, где живёт Жуков. И кто-то хотел, чтобы она продолжала копать.

Но она не знала — этот кто-то на её стороне или уже готовится стать следующим убийцей.

Варя положила флешку в бардачок, заперла машину и вышла под дождь. Она стояла на тротуаре, подставляя лицо мелким каплям, и смотрела в пустое небо. Завтра у неё встреча с Кольцовым. Теперь у неё есть адрес Жукова. Она не знала, куда идти первой. Но она знала одно: кто-то очень хочет, чтобы она докопалась до правды. И этот кто-то знает, где она живёт. Где она работает. Где она бывает. Она больше не одна в этой игре.

Она села обратно в машину, взяла телефон и записала в заметки: «Заовражная. Синяя крыша. Жуков». Потом посмотрела на часы. Было уже девять вечера. Она не поедет к Жукову сегодня. Слишком поздно. Но завтра — после встречи с Кольцовым — она обязательно поедет. Она заведёт двигатель и поедет домой, где её ждала пустая квартира, ипотека и ощущение, что мир вокруг неё рушится, а она одна стоит на краю этой пропасти.

Глава 4

Варя сидела в машине у обочины и смотрела на флешку. Она всё ещё сжимала её в руке, хотя пальцы уже затекли. Она положила флешку обратно в бардачок, завела двигатель и поехала домой. Дорога заняла пятнадцать минут, но ей показалось, что прошёл час. Она всё время смотрела в зеркало заднего вида — не едет ли кто за ней. Никого. Только мокрый асфальт и жёлтые огни фонарей.

Она зашла в подъезд, поднялась на третий этаж, открыла дверь. В квартире было темно и холодно. Она не включала отопление с весны — экономила. Варя сняла куртку, повесила на крючок, прошла на кухню. Поставила чайник, села за стол. Флешка лежала перед ней. Она снова взяла её в руки, покрутила, разглядывая царапины на корпусе.

Варя достала ноутбук, вставила флешку и снова открыла фотографии. Грузовик. Разбитая цистерна. Котлован. Бетонные плиты. Вспышка камеры выхватывала из темноты детали: трещину на цистерне, грязь на колёсах, тени людей в камуфляже. Кто-то фотографировал тайком. Снимки были сделаны с разных ракурсов, но все — в спешке. Некоторые были смазаны, как будто фотограф дрожал или торопился.

Она увеличила одну из фотографий. На заднем плане виднелся старый бульдозер — ржавый, с поднятым ковшом, как рука в последнем привете. На его борту она разглядела номер, но он был почти стёрт: «КБ-17». Или «КВ-17». Непонятно.

Варя закрыла фотографии и открыла браузер. Набрала в поиске: «Жуков Н.П. Красный Бор».

Результатов было мало. Первая ссылка вела на сайт городской администрации — старый список сотрудников полигона. Она открыла его. Страница была загружена не полностью, текст расплывался. Но она нашла нужную строчку: «Жуков Николай Павлович, водитель бульдозера, 1968 г.р., стаж работы на полигоне с 1990 по 2015». Всё. Ни телефона, ни адреса, ни фотографии. Только имя и даты.

Она попробовала другие запросы: «Николай Жуков Брянск», «Жуков водитель бульдозера», «Жуков полигон Красный Бор». Ничего. Человек как будто исчез из базы данных после 2015 года. Она нахмурилась. Слишком чисто. Слишком пусто.

Варя вспомнила про вдову Евдокимова. Она вчера звонила ей, но та не взяла трубку. Сегодня, после новостей, она, возможно, согласится поговорить. Варя нашла номер телефона в новости — он был указан мелким шрифтом внизу страницы, рядом с текстом «для справки». Она набрала его.

Гудки. Долгие, однообразные. Она ждала. Сброс. Набрала снова. Снова гудки. Никто не брал трубку. Варя посмотрела на часы — почти десять вечера. Может быть, поздно. Но в новостях писали, что вдова Евдокимова живёт одна. Вряд ли она спит в десять вечера.

Варя набрала третий раз. Теперь телефон не гудел — он издавал короткие гудки, сигнал был занят. Она подождала минуту, набрала четвёртый раз. Те же короткие гудки. Она нахмурилась. Что-то было не так.

Она набрала пятый раз. И вдруг гудки прекратились. В трубке повисла тишина. Варя замерла.

— Алло? — сказала она. — Алло?

Тишина. Только дыхание. Тяжёлое, хриплое, с присвистом. То же самое дыхание, которое она слышала вечером, когда звонил незнакомец. То же самое, что было в трубке, когда она звонила вдове в первый раз. Она повторила:

— Кто это?

Молчание. Дыхание. Оно становилось тяжелее, будто человек на том конце провода стоял и молчал, слушая её голос. Варя сжала трубку.

— Я знаю, что ты там, — сказала она. — Ты слушаешь. Зачем ты звонишь мне?
Дыхание. И потом — короткие гудки. Трубку положили.

Варя смотрела на телефон. Она нажала «перезвонить» — абонент недоступен. Она нажала снова — то же самое. Номер больше не существовал. Она смотрела на дисплей, пытаясь понять, что произошло. Кто-то знал, что она будет звонить вдове. Кто-то перехватил звонок. Или кто-то сидел с телефоном вдовы и ждал её звонка.

Варя отложила телефон. Она сидела за столом, в темноте, и чувствовала, как холод поднимается от пола. За окном ветер раскачивал деревья, ветки стучали по стеклу, как пальцы. Она смотрела на флешку, на телефон, на папку с документами, которая лежала на стуле рядом. Всё это — куски пазла, которые не складывались в картинку. Евдокимов мёртв. Кольцов ждёт её завтра. Жуков исчез. Вдова Евдокимова не берёт трубку. А кто-то следит за каждым её шагом.

Она вспомнила отца. Он говорил: «Бумаги не врут». Но теперь она поняла — бумаги тоже могут лгать. Они могут гореть. Их могут прятать. Люди могут умирать. И правда тонет в бетоне, который залили пятнадцать лет назад.

Варя подошла к окну. Выглянула на улицу. Дождь прекратился, но тучи ещё не рассеялись. В свете фонарей она увидела силуэт человека — он стоял под деревом напротив её дома, в тёмной куртке, с капюшоном, натянутым до глаз. Варя задернула штору. Она постояла минуту, потом осторожно выглянула снова. Силуэт исчез.

Она закрыла ноутбук, убрала флешку в карман. Прошла в комнату, легла на диван и закрыла глаза. Она не спала. Она слушала тишину, шаги в соседней квартире, скрип половиц. Ей казалось, что кто-то ходит за стеной. Но она знала — соседи уже спят. Это был просто ветер. Или не ветер.

Она уснула под утро и проснулась от звонка. Схватила телефон — экран светился. Незнакомый номер. Она нажала «ответить».

— Варвара Серебрякова? — спросил голос. Мужской, молодой, официальный. — Это оперативный дежурный городского управления. У нас зафиксирован звонок с вашего номера на номер Евдокимовой Галины Петровны. Вам есть что сообщить?

Варя села на диване.

— Я звонила вдове Евдокимова, — сказала она. — Хотела поговорить о её муже. Она не взяла трубку.

— Она и не могла взять, — ответил голос. — Евдокимова Галина Петровна скончалась сегодня утром. Причина — сердечный приступ. Вы были последней, кто ей звонил.

Варя смотрела на телефон. В голове стучало. Она открыла журнал звонков. Последний вызов — вчера, 22:14. На номер вдовы. Никто не ответил. Но кто-то поднял трубку. Кто-то дышал в трубку. Кто-то слушал её голос.

Она перевела дыхание.

— Я не говорила с ней, — сказала она. — Я слышала дыхание. Но это была не она.

— Что вы имеете в виду?

Варя смотрела в потолок. Она знала, что если скажет правду, то полиция не поверит. Или поверит — и начнёт задавать вопросы, на которые у неё нет ответов. Она сказала:

— Ничего. Я просто звонила. Никто не ответил. Я не знаю, что там случилось. Наверное, она уже была больна.

— Понял, — ответил голос. — Если у вас есть что сообщить, звоните. Мы расследуем обстоятельства её смерти.

И положили трубку.

Варя сидела на диване, сжимая телефон в руке. Вдова умерла. Ночью. Сразу после того, как кто-то поднял трубку с её номера и слушал, как Варя зовёт её. Она поняла — кто-то знал,

что Варя будет звонить. Кто-то ждал её звонка. И кто-то сделал всё, чтобы вдова Евдокимова замолчала навсегда.

Она посмотрела на часы. Половина девятого. Через полтора часа она должна быть у Кольцова. Она встала, пошла в ванную, умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Глаза красные, под ними тени. Она выглядела так, будто не спала неделю. Так и было.

Она решила — она не скажет Кольцову, что вдова умерла. Она сначала выяснит, что он знает. И только потом решит, кому можно верить. А кому — нельзя.

Варя оделась, взяла куртку, ключи, флешку, папку. Вышла из дома. На лестнице было тихо, только эхо шагов. Она спустилась на первый этаж и на мгновение замерла. На почтовом ящике лежал белый конверт, без марки, без подписи. Она подняла его, открыла. Внутри — листок бумаги, на котором было написано от руки: «Не ходи к Кольцову. Ты не вернёшься».

Варя смотрела на листок. Почерк был мужским, небрежным, торопливым. Буквы прыгали, как будто писавший дрожал. Она сжала листок в кулаке, вышла на улицу. Светило солнце, но ей было холодно. Она села в машину, положила листок на пассажирское сиденье. Посмотрела на него ещё раз. Потом завела двигатель и поехала к Кольцову. Она знала, что кто-то пытается её остановить. И это значило только одно — она на правильном пути.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.